

Рустам ИБРАГИМБЕКОВ

У нас на углу

Осенью 1964 года Высшие курсы сценаристов проводили третий набор желающих стать профессиональными киносценаристами. Среди абитуриентов был молодой специалист по автоматизации производственных процессов в области нефтехимии, бакинцем Рустам Мамед Ибрагимбеков.

На вступительном экзамене абитуриентам было предложено написать литературный этюд на одну из тем: "Враги", "Подвиг", "Неожиданная встреча". Ибрагимбеков выбрал первую.

"У нас на углу" – небольшой рассказ (ибо расплывчатости жанра "этнод" наш герой чужд по природе), в котором, как в макете будущего города, отчетливо проступают главные черты и "несущие конструкции" метода и стилистики знаменитого, в скором времени, сценариста. Это юмор, неожиданное (и небанальное!) повороты сюжета, смелый монтаж разных временных пластов разворачивающейся истории и кропотливая вязь подробностей и обстоятельств.

К голому без штукатурки зданию нашей школы примыкало здание Главного управления милиции, и два этих дома возвышались над тесно скученными одноэтажными строениями, кривыми улочками, большим пустырем, невольно образуя единый архитектурный ансамбль, вызывающий у суверенных родителей острое предубеждение против нашей школы.

По всему пустырю возле школы – обладателю удивительной способности сохранять на многие недели дождевые лужи – были разбросаны, а местами аккуратно разложены, большие камни, по которым после особо сильного дождя скакали школьники и милиционеры, чтобы перебраться через бурный поток, низвергающийся на пустырь и близлежащие улочки с нагорной части города.

А через некоторое время, когда, наконец, жгучее ашперонское солнце справлялось с потоком, и пустырь начинал местами проступать среди мутных луж, обнаруживалось, что нецензурное название из двух слов, с давних пор закрепившееся за низиной, в центре которой располагалась наша школа, удивительно точно передает ее своеобразие – пустырь оказывался заваленным консервными банками, всевозможным тряпьем, дохлыми кошками и другими дарами щедрого дождевого потока.

Так обстояли дела в первые послевоенные годы, и в те времена в

Из окна его бакинской квартиры открывается совершенно потрясающий вид на море. От него нельзя оторваться. Кажется, что если бы сам жил здесь, ничего бы не делал, а только сидел и смотрел на свинцовую рябь Каспия. Таков для меня цвет этого моря, даже когда в нем купается яркое солнце. Я люблю Баку с его обволакивающим дыханием юга, перемешанными ароматами зелени, догорающих улей, поспевающих шашлыков и кебабов, с его нарядной вечерней толпой, фланирующей по центральным улицам, скверам, набережной, с его редчайшим гостеприимством и дружелюбием. И олицетворением всей этой доброты и красоты несколько десятилетий для меня являются два крепких, сильных, красивых человека, безмерно талантливые братья Ибрагимбековы – старший Максуд и младший Рустам. "И не было лучше брата", – написал один из них. Просто успел первым сформулировать то, что оба ощущали одинаково.

Они ворвались в литературно-киношно-театральную Москву, как вихрь, и их имена сразу стали известными. Между прочим, именно Москва поддержала их, потому что первые шаги в искусстве в родном городе были встречены в штыки. В чем их только ни обвиняли! Но самым главным было, как понимаете, "очернение действительности".

По возрасту я расположился в равном промежутке между старшим братом и младшим, так что люди мы одного поколения и в чем-то схожей судьбы, пацаны послевоенной поры, со своим дворовым и уличным опытом, сомнительными кумирами, своеобразным кодексом чести. С навсегда оставшимся и навсегда преодоленным. Читатели рассказа, который публикуется ниже, безусловно, почувствуют аромат жесткого и жестокого времени, правду становления характера.

Нынешний 65-летний юбиляр Рустам Ибрагимбеков – человек общественный не только в силу того, что занимает несколько руководящих постов и у себя на родине, и в Москве. Он человек общественный по направленности своего творчества, его всегда интересуют сдвиги общественного сознания, зарождение новых идей, крутые переломы в жизни людей и стран. Наверно, сегодня нет второго такого человека, который был бы увенчан таким количеством Государственных и иных премий. Каждая новая работа Рустама становится крупным событием в жизни искусства, он востребован во всех частях света, будь то Россия или Азербайджан, Франция или Казахстан.

Самая знаменитая его сценарная работа "Белое солнце пустыни" (совместно с Валентином Ежовым). Не будем выяснять, кому принадлежит афоризм "Восток – дело тонкое", но Рустам Ибрагимбеков и в своем творчестве, и во взаимоотношениях с людьми не только тонок, но и мудр. Можно сказать, благородно и благодарно памятливы. Не перечислять добрых дел, им сделанных. Просто, по душевной отзывчивости, без помпы и пиаровских приемов. Для публики, интересующейся кино, не надо перечислять сделанное Рустамом Ибрагимбековым. Сегодня он живой классик. И его работоспособности можно только позавидовать. Впрочем, зачем завидовать?! Так, как у него, все равно не получится.

Александр АВДЕЕНКО

нашей школе учились отчаянные люди. И я тоже тогда некоторое время был отчаянным человеком. Я хорошо помню, как я им стал, как я был отчаянным, и как это кончилось.

В классе я был самым маленьким и по возрасту и по росту, поэтому в школе я не мог позволить себе сколь-нибудь заметной отчаянности; дома меня во всем ограничивал мой старший брат – сам в достаточной мере отчаянная личность. Но все-таки и мне удалось в те славные времена, когда отчаянность была возведена в ранг основной человеческой добродетели, хоть и недолго, пожить, созна-

вая свою полноценность, и уж во всяком случае, не ощущая своей инородности в тогдашнем мире отчаянных людей.

На пустыре возле школы я отыскивал среди луж что-нибудь отвечающее моим представлениям о современных средствах нападения и направлялся домой, чтобы почувствовать себя сильным и уважаемым человеком.

Он сидел на низкой скамейке перед зелеными, с облупившейся краской, воротцами. Обсаженные ред-

кими кустистыми усами, губы его судорожно дергались вверх, вниз, в стороны, проваливались куда-то в глубь беззубого рта, чтобы, появившись снова под крючковатым носом, продолжить свое беспрестанное движение.

Он увидел меня, как только я вышел из-за сапожной будки, метрах в десяти от него. Тут началось самое смешное – он никак не мог проскочить в ворота; в ужасе бился в довольно широких воротах, наскакивая то на стенку, то на закрытую левую створку, а заскочить в них не мог. Так что у меня была возможность хорошо прицелиться.

Проскочив, наконец, двор, он спрятался за мусорными ящиками. (Теперь он будет время от времени выглядывать оттуда, чтобы выяснить, ушел я или нет).

Пока я кидал в него подобранной на пустыре возле школы крысой, он бился в воротах и кричал, все уже собрались, и мне следовало, как обычно, поддержать его за мусорными ящиками минут двадцать, сопровождая это оскорбительными приглашениями выйти на улицу и поговорить со мной по-мужски, один на один. Но мне очень хотелось кушать и я решил сократить ежедневную программу, компенсировав это короткой, но эффективной импровизацией – сделал вид, что направляюсь к нему за мусорные ящики. А когда он метнулся к лестнице, ведущей к маленькой комнатке над воротами, где жила его мать дворничиха Зейнаб, я затопал ногами и заулюлюкал, что привело моих зрителей в сильное возбуждение. Особенно сапожника Давуда, он смачно выругался и забросил во двор здоровенный камень.

Я вышел на улицу и, насвистывая свою любимую песенку "Крутится, вертится, шар голубой", направился домой.

Все называли его Элли грам – Пятьдесят грамм, в переводе на русский, – но настоящее его имя было Энвер.

– Элли грам, – говорила, например, его мать Зейнаб, когда по утрам, выбежав на улицу, он потрясал поднятыми над головой кулаками, яростно проклиная солнце. – Элли грам, сынок, успокойся, оно скоро потухнет, недолго ему еще жить.

Но чем выше поднималось солнце, тем сильнее ненавидел его Элли грам, и к полудню он, разъяренный, метался на углу Полуханой и Первой параллельной, готовый сорвать злобу на любом прохожем. Жертвами оказывались самые различные люди: мужчины и женщины, старые и молодые, штатские и военные, даже милиционеры, но все они, одинаково крича, мчались вверх или вниз по улице, преследуемые Элли грамом, – случайных людей ввергали в ужас неожиданность и беспричинность нападения, старжилов же пугали его обезьянья ловкость, удесятеренная бешенством сила и прогрессирующая мстительность.

Все боялись Элли грама, а он – меня, пятнадцатилетнего очкастого мальчишку. Выяснилось это в тот вечер, когда он чуть не задушил сапожника Давуда, наступившего ему на руку. Давуд очень любил наступать на руки пьяным. Элли грам пьяным не был, но почему-то на второй день после возвращения из тюрьмы разлегся на улице, под окнами своей матери. Впрочем, причина такого его поведения всем приблизительно бы-

В ирригую комиссию Высших Сценарных Курсов от Ибрагимбекова Рустама Мамеда Ибрагимбекова.

Заявление

Имею большое желание продолжить свое обучение в кино, кинематографии, к сценаристическим экзаменам на Высшие Сценарные Курсы.

19/11-64.

Ибрагимбеков

Автобиография
Я, Ибрагимбеков Рустам Мамед Ибрагимбеков родился 5-го февраля 1939 г. в Баку.
Отец мой, Ибрагимбеков Мамед Ибрагимбеков, 1898 г. рождения, инженер, в прошлом – научный работник, географ.
Мать моя, Ибрагимбекова Рахима Ахмедовна, работала в управлении Химического промышленности СССР в должности инженера.
Брат мой, Ибрагимбеков Мамед Мамед Ибрагимбеков родился в 1935 г., киносценарист.
В 1946 г. я поступил в среднюю школу, закончил ее в 1954 г. В том же году поступил на первый курс Азербайджанского института культуры и искусства, факультет журналистики. В 1958 г. с 1962 г. по настоящее время работаю в Высшем сценарном центре Академии Наук Азерб. ССР, научным сотрудником.

1/11-64.

Ибрагимбеков

ИБРАГИМБЕКОВ, РУСТАМ

Р.Ибрагимбеков представил на рассмотрение Высших Сценарных курсов 3 работы - 2 рассказа ("Липа" и "Хлеб без варенья") и киносценарий "Когда дует юг".

Рассказы интересны и свидетельствуют о несомненной литературной одаренности автора. В них, в рассказах, есть и хорошее ощущение слова, и свободное владение фразой, и естественность и плавность авторской интонации. Герои этих двух рассказов - молодые люди, главным образом, студенты, наши современники и автор, можно сказать, стремится восполнить возможные пробелы в их нравственном воспитании в тех вопросах, в которых, по тем или иным причинам, героям не хватает общественной зрелости. Так, в рассказе "Хлеб без варенья" автор в очень сжатой и драматичной форме возвращает своих персонажей и, видимо, сверстников к раздумьям о нравственности и мужестве народа в прошедшей войне, делающими память об этих испытаниях священной. В рассказе "Липа" - мягко, ненавязчиво, без упреков и без морализаторства - иронически рисует нам картину злого сердца и без морализаторства, участвующего в спортивных боксерских состязаниях не очень по праву, но с "благой целью" - помочь своей команде. Не только главные, но и проходные персонажи в этом рассказе (как, впрочем, и в предыдущем) обрели живую конкретность и достоверность, детали их характеров и поведения - точны и писательски свежи.

К сожалению, сценарий Р.Ибрагимбекова - значительно слабее его рассказов. Во-первых, он крайне многословен: тут и поиски молодым людьми своего места в жизни (ухудшенный и сильно упрощенный вариант аксеновского "Звездного билета"), и обилие хапуг, любителей "сладкой жизни", вытягивающих в разлуку зеленых юнцов. Есть в сценарии и беглые нарративские зарисовки современного мещанского быта, и не менее беглые намеки на психологическую убогость, сопутствующую личной жизни героев; есть даже анализ "психического статуса" одного персонажа - следствия военной контузии. Сценарий весьма несамостоятелен как литературное произведение и как материал для анализа мировоззрения автора: в нем нашли отражение самые разнообразные влияния от Аксенова до Фрейда, он сумбурен по построению и подчас натуралистичен по запискам. Но и в нем есть несомненно отдельные живые сценки, психологические зарисовки и, пожалуй, ощущение кинематографического видения эпизода. Думаю, что Р.Ибрагимбеков - может быть кандидатом для Курсов.

Р.ЗУСЕВА